

В. А. Гуторов
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Российская Федерация,
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9

В статье анализируются основные особенности формирования нового политического режима в России 1990-х годов и той роли, которую играли российские СМИ в формировании нового комплекса власти. Выявляются механизмы установления новыми олигархическими группами контроля над СМИ, перехода ведущих газет, журналов и телевидения в частную собственность и причины постепенной эрозии российской журналистики. Решающую роль в этом процессе сыграло подчинение СМИ, наряду с государственными органами управления на всех его уровнях, некорпоративной «логике». В статье подчеркивается, что развертывавшийся в России процесс социально-политической трансформации весьма существенно (в некоторых аспектах даже радикально) отличался от политики реформ, проводимой политическими элитами стран Центральной и Восточной Европы, даже если признать существование общих предпосылок, историческое и системное единство происходивших в посткоммунистических странах перемен.

Ключевые слова: посткоммунизм, политический процесс, новый корпоративизм, приватистские модели, СМИ, журналистика.

© Гуторов В. А., 2020

УДК 32

**РОССИЙСКАЯ
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИЧЕСКОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ:
АНАЛИТИКА И ПРОГНОЗЫ**

Введение. В предисловии к весьма содержательной работе Дугласа Ван Белле, Жана-Себастьяна Риу и Дэвида Поттера «СМИ, бюрократии и иностранная помощь: сравнительный анализ США, Великобритании, Канады, Франции и Японии» отмечалось: «Иностранная помощь, особенно помощь США в случае стихийных бедствий, является преимущественно бюрократическим процессом» [Van Belle et al. 2004: 2]. В контексте нашей темы это замечание вполне возможно понять иносказательно: в области информационной политики прямая и косвенная американская помощь выглядит для посткоммунистической России почти катастрофической. Я имею в виду вполне целенаправленное заимствование той предельно коммерциализированной и приватистской модели функционирования СМИ и журналистики, которая в начале 1990-х годов стала одним из главных орудий легитимизации олигархических институтов господства. Характер этой модели вплоть до наших дней не претерпел сколько-нибудь существенных изменений, так как в основных своих чертах она соответствует интересам нынешней политической элиты, полностью удовлетворяя ее насущные потребности. Для того, чтобы это

понять, необходимо обратиться к сравнительно недавней истории.

СМИ в структуре посткоммунистических трансформаций: история и политическая аналитика. Современный политический процесс в России во многом определяется событиями происшедшими с начала 1992 года до государственного переворота, осуществленного осенью 1993 года. Распад СССР и начавшиеся в январе 1992 года «экономические реформы», сопровождавшиеся «шоковой терапией», резко усилили политические конфликты. Первоначально они проявлялись в противоборстве исполнительной власти во главе с президентом и законодательного органа — Верховного Совета. Его роспуск 21 сентября 1993 года, за которым последовал кризис 3-4 октября, приведший к вооруженной конфронтации двух ветвей власти, способствовал глубокой поляризации российского общества, а также стимулировал процесс создания структур политического режима, до сих пор не имеющего однозначного определения как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе.

Анализ политического процесса и роли современных российских СМИ, как правило, обречен на то, чтобы оставаться субъективным и поверхностным, поскольку в соответствии с давно сложившимся каноном, он, как правило, тяготеет к ранним моделям интерпретации, сформировавшимся на основе изучения реалий посткоммунистической Центральной и Восточной Европы. Между тем, на наш взгляд, развертывавшийся в России процесс экономической и социально-политической трансформации весьма существенно (в некоторых аспектах даже радикально) отличался от политики реформ, проводившейся политическими элитами этих стран,

даже если признать существование общих предпосылок, историческое и системное единство происходивших в посткоммунистических странах перемен. Различия проявлялись как в глобальном характере и результатах реформ, так и в тех конкретных, частных деталях, которые до недавнего времени рассматривались многими аналитиками и публицистами в качестве универсалий. В частности, данное замечание в первую очередь относится к роли интеллигенции, которая с начального периода «перестройки» обеспечивала либеральный имидж политическому процессу, а в дальнейшем — экономическим реформам.

В странах Центральной и Восточной Европы реформам предшествовало возникновение своеобразной интеллигентской мифологии «антиполитики», на основе которой формировалась идеология неолиберальной политической элиты. В России сфера действия подобных интеллектуальных стереотипов оказалась крайне ограниченной, а сама мифология — весьма ущербной. Выбрав примитивный антикоммунизм для создания мифов, приемлемых для нее самой и для массового сознания, российская интеллигенция, пошедшая во власть, «чтобы использовать власть как городского» [Розанова, Синявский 1997: 1], потерпела полный провал, скомпрометировала саму идею демократии и, все больше ощущая свою «невостребованность» в обществе, где власть принадлежит финансистам и неономенклатурной бюрократии, либо превратилась в «политических наводчиков», натравливающих СМИ на растущую оппозицию, либо перешла в ряды последней [Сахаров и др. 1995: 3].

Исследование современных российских СМИ, равно как и само понятие «современный», употребляемое по отношению к ним, определяется,

на наш взгляд, тремя основными историческими точками отсчета: 1) принятием закона «О печати и других средствах массовой информации», вступившего в силу 1 августа 1990 года, запрещавшего цензуру и внесудебное закрытие газет и радиовещательных станций в СССР [Закон СССР 1990]; 2) принятием российским Верховным Советом нового закона «О средствах массовой информации», который был подписан Б. Н. Ельциным 27 декабря 1991 года и подтверждал с различными вариациями основные положения прежнего закона [Закон РФ 1991]; 3) октябрьским политическим кризисом 1993 года, создавшим в России новое правовое и конституционное поле, изменившее не только развитие политического процесса, но также положение и роль российских СМИ.

По своему содержанию и направленности оба указанных выше закона были демократическими. В первом из них, безусловно, отразились пришедшие вместе с «перестройкой» гласность и плюрализм общественного мнения, составившие эпоху в эволюции политического сознания нескольких поколений россиян. С правовой точки зрения, закон «О средствах массовой информации» предоставлял прочные гарантии свободы для российских СМИ. В частности, закон предоставлял газетам и радиовещательным компаниям право обращения в суд в том случае, если власти отказывают им в регистрации по тем или иным причинам (статьи 8-15). Статья 3 запрещала цензуру, а также создание и финансирование любой структуры, выполняющей цензурные функции. Ограничение свободы выражения касалось, как и в большинстве демократических стран, прежде всего раскрытия государственных тайн, возбуждения национальной, религиозной или классовой нетерпимости, призывов

к свержению при помощи насилия существующей общественной системы, использования СМИ для совершения уголовно наказуемых действий (статья 4). Законом запрещалось закрытие СМИ иначе как после постановления суда и соответствующего предупреждения (статья 16).

При всем различии стартовых позиций российская печать в начале 1990-х годов сталкивалась с теми же трудностями, вызванными ростом инфляции и резким сокращением доходов стремительно люмпенизирующегося населения, которые возникли и в других посткоммунистических странах. Хотя в определенном смысле ситуация, сложившаяся в российских СМИ в период создания неонеоменклатурного государства, оказалась уникальной, но и к ним, конечно, полностью относится вывод, сделанный словенским политологом С. Сплихалом: приватизация сама по себе не может гарантировать свободу печати [Splichal 1994: 7]. Последующие годы свидетельствовали, что даже наиболее популярные газеты и журналы не могут сравниться по степени распространения и воздействия с телевидением, которое в 1993 году было доступно 95 % россиян [The Russian parliamentary elections 1994: 17]. Разумеется, резкое снижение роли прессы и внедрение классической американской модели “TV oriented politics” во многом было вызвано развернувшейся в начале 1990-х годов борьбой за власть, одним из важнейших моментов которой было установление жесткого контроля над СМИ и ограничение влияния оппозиции. «Для сведения до минимума возможности получения нежелательной информации через оппозиционные газеты и журналы прямое их запрещение могло раньше времени высветить суть “демократических перемен”». Был взят курс на резкое ограничение тиражей

неудобных периодических изданий. При помощи фискальной и ценовой политики „реформаторы“ создали условия, при которых издание любой периодики становилось экономически невыгодно. На практике подобная политика фактически означала сведение до минимума значения печатной периодики... Одновременно была внедрена система всевозможных материальных льгот для послушных изданий, которая была призвана поставить издание газет и журналов в прямую зависимость от лояльности к установившемуся режиму» [Корин 1997: 2]. Именно данный, запущенный центральной властью механизм установления контроля над СМИ был затем воспроизведен во всех регионах, создав чрезвычайно благоприятные предпосылки для второго этапа приватизации — перехода ведущих газет и журналов под контроль новых российских магнатов.

Создание коммерческого телевидения на основе аккумуляции частных капиталов происходило в рамках гораздо более обширного процесса формирования крупных финансовых олигархических групп при самой прямой, непосредственной поддержке государства. Захват СМИ и включение их в систему финансовых и корпоративных связей диктовалось не только исключительной прибыльностью бизнеса в этой сфере (прежде всего, за счет размещения рекламы на телевидении), но и необходимостью обработки умов в нужном для олигархии направлении, а также ведением информационной войны друг против друга (что, конечно, не исключало временных союзов между отдельными группами в целях совместной борьбы с конкурентами).

Для приватизации и последующего установления контроля над СМИ новоявленными банкирами и

предпринимателями применялась одна и та же элементарная схема, прошедшая проверку во время операций с промышленными предприятиями: начальная стоимость объектов предельно занижалась правительственными чиновниками, а затем эти объекты сразу или в несколько приемов передавались новым владельцам. В отличие от крупных предприятий, которые распродавались сначала за приватизационные чеки-ваучеры, а затем на аукционах различного типа (в том числе и на так называемых «залоговых», придуманных В. Потаниным), газеты, журналы и телекомпания приобретались, как правило, по частям — путем перекупки крупных и мелких пакетов акций [Сафрончук 1997: 5; Касьяненко 1997: 2]. Устанавливаемые цены были низкими, в частности, потому, что участники аукционов, пользуясь услугами подкупленных чиновников, приобретали пакеты акций государственных предприятий не за свои, а за бюджетные деньги, которые передавались им как уполномоченным Госбанка [Сафрончук 1997: 2]. Государство терпело огромные убытки, ничего не получая в бюджет, а на рынке ценных бумаг возникла сюрреалистическая картина. Так, в приведенной А. Минкиным («Новая газета») таблице цен, установленных Госкомимуществом, сумма, уплаченная за акции «Известий», — 15396000 руб. — была всего лишь в 3,5 раза ниже цены гигантского нефтяного концерна «Лукойл» и почти в 2 раза выше цены Красноярского алюминиевого завода [Минкин 1997: 2].

Процесс приватизации, то есть поглощения основных традиционных российских СМИ новоявленными корпорациями, имел столь же разрушительные последствия для СМИ, как и для промышленности или сферы экспорта. Принципиальным обстоятельством, обусловившим

стремительную деградацию СМИ, стало не отсутствие государственной поддержки как таковой, а подчинение чиновников на всех уровнях управления неокорпоративной «логике». Это обстоятельство во многом способствовало возрождению многих элементов традиционной номенклатурной цензуры при формальном сохранении атрибутов гласности, свободы печати и распространения информации. Результатом стала всеобщая эрозия отечественной журналистики. Как отмечали в 1997 году М. Розанова и А. Синявский, «свобода слова в России за последние годы невероятно упала в цене, причем произошла двойная девальвация. Слово обесценилось и в глазах власти, и в глазах самой интеллигенции. Российское правительство вдруг догадалось, что можно просто плевать на все, что пишут в журналах, газетах и книгах. Да и сама интеллигенция тонет нынче в потоке информации и почти перестала читать российскую прессу» [Розанова, Синявский 1997: 1]. «Нынешняя демократия, — вполне справедливо утверждал Г. Зюганов в 1996 году, — сводится в основном к праву граждан и партий говорить что угодно и к праву правительства не обращать на это никакого внимания» [Зюганов 1996: 2]. Этот факт был вынужден признать в мае 1998 году сам президент Ельцин, утверждавший в выступлении на ежегодном форуме Международного института прессы, что «в России уже почти не осталось независимых СМИ, для которых главное — выразить мнение народа, своих читателей, телезрителей, радиослушателей. СМИ... становятся все более зависимыми от тех, кто заказывает им музыку: от частных собственников, а те иногда ведут себя, как худшие цензоры, они открыто вмешиваются в редакционную политику» [Цит. по: Попов 1998: 7].

Конечно, сочиненные референтами президентские признания, при всей их справедливости, выглядели насквозь лицемерными: еще задолго до того, как они прозвучали в эфире, специалисты составили список печатных изданий, а также радио- и телеканалов, которые получили наименование «коллективный Ельцин». В их число попали телевизионные каналы ОРТ, ВГРТК, НТВ, радиостанция «Эхо Москвы», журнал «Итоги», газеты «Сегодня», «Известия», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Мегаполис-экспресс», «Двое», «АиФ-молодой» и многие другие [Катасонов 1997: 2]. Разумеется, этот список являлся весьма приблизительным и неполным, поскольку он не учитывал проправительственные региональные СМИ. Тем не менее президентские радио-и телевизионные выступления вполне позволяли сделать вывод о том, что ведущие СМИ действительно были ориентированы хозяевами на то, чтобы создать у Б. Ельцина впечатление об успешном ходе «реформ». «Похоже, — отмечал А. Котов, — наше телевидение имеет в виду лишь одного телезрителя. По привычке. В 70-е годы футбольные матчи, например, проводились тогда, когда Брежневу было удобно их смотреть. Программа “Время” цензурировалась не перед первым прогоном (на Дальний Восток), а перед последним (на Москву)... Цензоров не очень волновала реакция народа. Их заботила реакция лишь одного телезрителя. Сегодня, похоже, ситуация на телевидении вернулась на круги своя. Телебонзы, конечно, понимают, что народ давно считает их бесстыдными лгунами. Но на это им наплевать. Их волнует реакция одного-единственного телезрителя. Для него и транслируются все эти победные реляции» [Котов 1997: 3].

Заключение. Основным моментом многочисленных интерпретаций современной российской корпоративной политики, предлагаемых отечественными и зарубежными специалистами, как правило, является характеристика особенностей сформировавшейся в России системы управления. Например, Р. Саква в статье «Режимная система в России» определял данную систему как «гибридную», объединяющую демократию и авторитаризм; она возникла в результате «незаконченной революции», когда «структура власти изменила свои формы, но традиционное подчинение политического процесса правящим элитам приняло новые формы; отношения собственности видоизменяются, в то время как политика и экономика остаются недифференцированными» [Sakwa 1997: 7]. Прямым следствием этой ситуации является «преобладание режимных отношений (хотя и нерегулярных) над политическим сообществом и упорядоченным управлением» [Sakwa 1997: 8].

«Режимная демократия» стала складываться после падения коммунистической системы в августе 1991 года на основе «отчетливого и нестабильного альянса» части российской бюрократии, заимствовавшей идеологическую программу от либералов-западников, с фрагментированными демократическими движениями, которые играли роль союзников. «Новому режиму не удалось институционализировать ни политическое влияние социальных движений посредством партийных форм представительного правления, ни собственную ответственность перед обществом путем создания законодательной власти или полноценных коммуникативных

структур, таких как СМИ и другие элементы плюралистического гражданского общества» [Sakwa 1997: 8–9]. В итоге демократические движения 1989–1991 годов были поглощены тем, что теперь называют «партией власти», сформировавшей псевдопартийную систему и превратившей после октября 1993 года общественные организации и парламент в политических маргиналов.

Возникающие в различных сферах оппозиционные настроения и действия преодолеваются не посредством политических соглашений, но путем рекрутирования потенциальных оппозиционеров в партию власти. Такая система, названная Д. Дайкером «кооптационной олигархией», способна активно паразитировать на демократических процедурах. Ее главным противоречием является постоянно воспроизводимая напряженность между «аморфным государством» (слабыми юридическими, фискальными и административными структурами) и гипертрофированным бюрократическим аппаратом. В историческом плане это противоречие отражает процесс приспособления основных элементов советской системы к новым обстоятельствам [Sakwa 1997: 10–11]. Главной тенденцией в данном процессе является «приватизация политики» и «персонализация процесса принятия политических решений» [Sakwa 1997: 11]. Таким образом, возникший режим личной власти Ельцина представлял собой «архаическую... политическую форму, даже если его функции легко могут показаться модернизирующими и прогрессивными» [Sakwa 1997: 13]. Традиционные принципы «бюрократической тайной политики» (bureaucratic crypto-politics) оказались органично включенными в «новые технологии власти», способствующие формированию системы «демократии без демократов» [Sakwa 1997: 14–15].

И Р. Саква, и многие другие зарубежные политологи усматривают главную причину создания «режимной демократии» в России в самом характере перехода от коммунизма к либеральной демократии при отсутствии «либерального класса» — основного носителя цивилизованных капиталистических отношений и либеральных ценностей. В этих условиях узкая группа, монополизирующая политическую власть и экономическое господство (которые сливаются и становятся практически неразличимыми), является выразителем тенденции «посткоммунистического неотрадиционализма», возникшей уже в период разложения советской системы в 1970–1980-е годы [Sakwa 1997: 17; Roeder, 1993; Lupher, 1996].

Вместе с тем сама попытка рассматривать процесс «лицензированного пиратства», т.е. открытого и наглого разграбления государственной собственности узкой группой новых промышленников, банкиров и госчиновников, вызвавшего невиданный расцвет правительственной коррупции, клиентелизма и преступности, исключительно как следствие «незавершенной либерализации» [Sakwa 1997: 17], является, на наш взгляд, свидетельством «незавершенности» избранной этими учеными методологии. В настоящее время в нее приходится вносить ряд существенных корректив: если в середине 1990-х годов многие факты и тенденции указывали на то, что при неизменности нынешнего курса Россию явно ожидала судьба «колониальных демократий» стран «третьего мира», то в первом десятилетии XXI века политическая ситуация стала довольно резко изменяться [Lane 2007: 16–49; Pomeranz 2018: 14–16, 135–136]. Но данное обстоятельство никоим образом не способствовало сколько-нибудь

существенной модификации модели СМИ: «колониальный характер» этой, сложившейся в 1990-е годы модели, на наш взгляд, остается неизменным [см., например: Macgilchrist 2011: 202–204; ср.: Spurr 1993; Ward 2018].

Литература

Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» (1990). [Web-страница]. Электронный ресурс <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=59#06946301830031929>.

Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.12.2019) «О средствах массовой информации» (1991). [Web-страница]. Электронный ресурс <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-27121991-n-2124-1-o/>.

Зюганов, Г. (1996). Россия, Родина, Народ! Предвыборная платформа кандидата на пост президента Российской Федерации. *Советская Россия, 19 марта*.

Касьяненко, Ж. (1997). Чубайс в кустах. Черная неделя приватизаторов. *Советская Россия, 15 нояб.*

Катасонов, В. (1997). Издыхает чудо-юдо. Почему «ХИТы» с Волги уходят? *Советская Россия, 15 авг.*

Корин, А. (1997). Что у вас с головой? *Советская Россия, 1 февр.*

Котов, А. (1997). А кого вы, собственно, хотели обмануть? *Новый Петербург, 10 июля*.

Минкин, А. (1997). История приватизации: пособие для писателей. *Новая газета, 1–7 дек.*

Попов, Е. (1998). Камера на рельсах. Выступления шахтеров и СМИ: почему власть гневается на электронных слуг своих. *Советская Россия, 28 мая*.

Розанова, М., Синявский, А. (1997). Интеллигенция и демократия. *Советская Россия, 11 янв.*

Сафрончук, В. (1997). Олигархия: год спустя. Группа Потанина: ОНЭКСИМбанк — «Норильский никель» — «Сиданко». *Советская Россия, 25 дек.*

Сафрончук, В. (1997). Соавторы по ограблению. *Советская Россия, 20 нояб.*

Сахаров, Н., Тендряков, А., Поляков, Ю. (1995). Интеллигенция и власть. Санкт-Петербург. *ведомости*, 14 янв.

Lane, D. (Ed.). (2007). *Transformation of state socialism: System change, capitalism, or something else?* New York: Palgrave Macmillan.

Lupher, M. (1996). *Power restructuring in China and Russia*. Boulder: Westview Press.

Macgilchrist, F. (2011). *Journalism and the political: Discursive tensions in news coverage of Russia*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Pomeranz, W. (2018). *Law and the Russian state: Russia's legal evolution from Peter the Great to Vladimir Putin*. London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic.

Roeder, Ph. G. (1993). *Red sunset: The failure of Soviet politics*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Sakwa, R. (1997). The regime system in Russia. *Contemporary Politics*, 3(1), 7–32.

Splichal, S. (1994). *Media beyond socialism. Theory and practice in East-Central Europe*. Boulder, San-Francisco; Oxford: Westview Press.

Spurr, D. (1993). *The rhetoric of Empire: Colonial discourse in journalism, travel writing, and imperial administration*. Durham; London: Duke University Press.

The Russian parliamentary elections: Monitoring of the election coverage in the Russian mass media. Final report (1994). Düsseldorf: European Institute for the Media.

Van Belle, D. A., Rioux, J.-S., Potter, D. M. (2004). *Media, bureaucracies and foreign aid: A comparative analysis of the United States, the United Kingdom, Canada, France and Japan*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Ward, S. J. A. (2018). *Ethical journalism in a populist age: The democratically engaged journalist*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers.

Сведения об авторе:

Владимир Александрович Гуторов, докт. филос. наук, проф.; gut-50@mail.ru.

THE RUSSIAN POST-COMMUNIST JOURNALISM IN THE HISTORICAL AND POLITICAL DIMENSIONS: ANALYTICS AND FORECASTS

V. A. Gutorov

Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the main features of the new political regime formation in Russia in the 1990s and the role that the Russian media played in the formation of a new complex of power. The mechanisms of the new oligarchic groups' control over the media, the transfer of leading newspapers, magazines and television to private ownership and the causes of the gradual erosion of Russian journalism are revealed. The decisive role in this process belonged to the acceptance by the media, along with government bodies of the new corporate "logic". The author emphasizes that the process of socio-political transformation in Russia is significantly (in some aspects even radically) different from the policy of reforms pursued by the political elites of Central and Eastern Europe. The distinction appeared despite the existence of common premises, the historical and systemic unity of the changes that took place in post-communist countries.

Keywords: post-communism, political process, new corporatism, privatist models, media, journalism.

References

Kas'yanenko, Z. H. (1997). Chubajs v kustah. Chernaya nedelya privatizatorov [Chubais in the bushes. Black week of privatizers]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], Nov. 15. (In Russian)

Katasonov, V. (1997). Izdyhaet chudo-yudo. Pochemu "HITY" s Volgi uhodyat? [The miracle of judo dies. Why do the "HITS" leave the Volga?]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], Aug. 15. (In Russian)

Korin, A. (1997). Chto u vas s golovoj? [What do you have with your head?]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], Febr. 1. (In Russian)

- Kotov, A. (1997). A kogo vy, sobstvenno, hoteli obmanut'? [And whom did you actually want to deceive?]. *Novyj Peterburg* [New Petersburg], Jul. 10. (In Russian)
- Lane, D. (Ed.). (2007). *Transformation of state socialism: System change, capitalism, or something else?* New York: Palgrave Macmillan.
- Lupher, M. (1996). *Power restructuring in China and Russia*. Boulder: Westview Press.
- Macgilchrist, F. (2011). *Journalism and the political: discursive tensions in news coverage of Russia*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Minkin, A. (1997). Istoriya privatizacii: posobie dlya pisatelej [The history of privatization: A handbook for writers]. *Novaya gazeta* [The New Newspaper], Dec. 7. (In Russian)
- Pomeranz, W. (2018). *Law and the Russian state: Russia's legal evolution from Peter the Great to Vladimir Putin*. London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic.
- Popov, E. (1998). Kamera na rel'sah. Vystupleniya shahterov i SMI: pochemu vlast' gnevaetsya na elektronnyh slug svoih [The camera on the rails. Speeches of miners and the media: Why the authorities are angry with their electronic servants]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], May 28. (In Russian)
- Roeder, Ph. G. (1993). *Red sunset: The failure of Soviet politics*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Rozanova, M., Sinyavsky, A. (1997). Intelligenciya i demokratiya [Intellectuals and democracy]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], Jan. 11. (In Russian)
- Safronchuk, V. (1997). Oligarhiya: god spustya. Gruppy Potanina: ONEKSIMbank — "Noril'skij nikel" — "Sidanko" [Oligarchy: a year later. Potanin Group: ONEXIMbank — "Norilsk Nickel" — "Sidanko"]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], Dec. 25. (In Russian)
- Safronchuk, V. (1997). Soavtory po ogrableniyu [The robbery collaborators]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], Nov. 20. (In Russian)
- Saharov, N., Tendryakov, A., Polyakov, Yu. (1995). Intelligenciya i vlast' [Intellectuals and power]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Saint Petersburg News], Jan. 14. (In Russian)
- Sakwa, R. (1997). The regime system in Russia. *Contemporary Politics*, 3(1), 7–32.
- Splichal, S. (1994). *Media beyond socialism. Theory and practice in East-Central Europe*. Boulder, San-Francisco; Oxford: Westview Press.
- Spurr, D. (1993). *The rhetoric of Empire: Colonial discourse in journalism, travel writing, and imperial administration*. Durham; London: Duke University Press.
- The Russian parliamentary elections: Monitoring of the election coverage in the Russian mass media. Final report* (1994). Düsseldorf: European Institute for the Media.
- Van Belle, D. A., Rioux, J.-S., Potter, D. M. (2004). *Media, bureaucracies and foreign aid: A comparative analysis of the United States, the United Kingdom, Canada, France and Japan*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Ward, S. J. A. (2018). *Ethical journalism in a populist age: The democratically engaged journalist*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 02.12.2019) "O sredstvah massovoj informacii"* [The Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on December 2, 2019) "On the Mass Media"] (1991). [Web-page]. Retrieved from <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-27121991-n-2124-1-o/>. (In Russian)
- Zakon SSSR ot 12.06.1990 № 1552-1 "O pechati i drugih sredstvah massovoj informacii"* [The Law of the USSR dated 12.06.1990 N 1552-1 "On the press and other mass media"] (1990). [Web-page]. Retrieved from <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=59#06946301830031929>. (In Russian)
- Zyuganov, G. (1996) Rossiya, Rodina, Narod! Predvybornaya platforma kandidata na post prezidenta Rossijskoj Federacii [Russia, Motherland, People! The election platform of the candidate for president of the Russian Federation]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], March 19. (In Russian)

Author's information:

Vladimir A. Gutorov, Dr. Sci. in Philosophy, Prof.; gut-50@mail.ru.